
Дия Сёмина
Слепая 2
Хозяйка курьерской службы

Попаданки помещицы.

Дия Сёмина

Слепая 2. Хозяйка курьерской службы

«Автор»
2026

Сёмина Д.

Слепая 2. Хозяйка курьерской службы / Д. Сёмина — «Автор», 2026 — (Попаданки помещицы.)

Слепая, наивная, слишком молоденькая — идеальная жертва для алчных женихов. Если бы не слухи о моём наследстве, то сидеть бы мне старой девой в приживалках. Но я не хочу всю жизнь прозябать, не хочу попасть в богадельню, пока навязанный папенькой муж будет прожигать мои деньги на «законную» любовницу. Мне придётся зажать волю в кулак и доказать этому миру, что я тоже чего-то стою, и могу отвечать за свою жизнь. Единственное, что я умею – организовывать доставку грузов. Но в этом мире нет даже телефона, кажется, идея создать курьерскую службу обречена на провал, если только я не найду толкового компаньона, готового ради меня на самые невероятные авантюры, есть один подходящий кандидат...Это 2-й том серии.Первый называется: Слепая. Бывшая хозяйка старого поместья.

© Сёмина Д., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 5
Глава 2 8
Глава 3 10
Конец ознакомительного фрагмента. 15

Дия Сёмина
Слепая 2. Хозяйка курьерской службы

Глава 1

Санаторий неожиданно оказался «чёрной пеленой». Да, вот такая ужасная ситуация. Я перестала «видеть» образы. Воображение отказалось рисовать картинки, оставляя окружение как чёрный лист. Максимум — вспышки: если поднять голову и подумать о небе, появляется голубой оттенок. Опускаю голову и думаю о траве — зелень. И всё.

Хотя нет, сказать по правде, всё ещё сложнее.

Когда мы только приехали и Демид Ефимович помог нам спуститься с коляски на землю, я вдруг «увидела» наше родное поместье, даже вздрогнула, посчитав слова о санатории розыгрышем. Я была готова поклясться, что слышу голос Кретова. И петух где-то кричит свой боевой клич. Но это всё иллюзии, а то и галлюцинации. Звуки оказались совершенно иными.

Мне не на что опереться в своих воспоминаниях, чтобы хоть немного «отстроить» план нового пространства. В первые же минуты на новом месте я по-настоящему ощутила себя слепой и беззащитной, появился страх упасть, врезаться в стену или столб, провалиться в колодец…

Сделала шаг по мелкому, шелестящему под ногами гравию, и голова закружилась так, что я начала оседать, а потом и вовсе потеряла сознание под громкий возглас Александры. Меня настигла самая настоящая паническая атака. Тело не слушается, разум паникует. Чувствую себя запертой в черноту, слышу голоса окружающих, чувствую их прикосновения, но между нами всё равно есть моя тотальная слепота, и она меня пугает на инстинктивном уровне.

Если бы знала, как, оказывается, тяжело существовать вне привычного пространства, я бы не рискнула уезжать из поместья Кретовых — и плевать на репутацию, плевать на интриги Антонины: мне нужно быть в знакомом месте, там, где помню себя и окружение. Показалось, что даже рядом с Фросей я лучше «видела».

— Мне очень плохо, я даже не подозревала, что незнакомое пространство так подействует. Может быть, вы отвезёте меня домой? — попросила Шурочку, как только смогла говорить.

Теперь я лежу в помещении: здесь приятно пахнет, чувствуется прохладный ветерок, какой обычно бывает, если открыты окна; рядом кто-то есть, и больше я ничего не смогла понять и ощутить.

— Это паническая атака, сейчас придёт доктор, он один из лучших. Думаю, что тебе, милая Лиза, нужно какое-то время, чтобы привыкнуть и начать доверять санаторию. Понимаешь, о чём я говорю? — настойчивый, но немного испуганный голос Шурочки вернул меня в реальность окончательно. Она поняла всё верно: лучше моё состояние и не описать.

— Кажется, я только сейчас, попав в совершенно незнакомую обстановку и без Фроси, вдруг осознала свою слепоту. В поместье мне всё было знакомо, и воображение живо дорисовывало образы. А сейчас у меня почему-то словно почва из-под ног ушла. Стоять прямо не могу.

Где-то совсем недалеко послышались торопливые шаги, потом в зоне осязания появился медицинский запах: доктор явно делал кому-то инъекции. А теперь присел около моей кушетки и начал осматривать, осторожно касаясь меня тёплыми, приятными руками. Он словно знахарь, из тех, кто умеет лечить прикосновением. В комнате все стихли и слушают каждое слово.

— Елизавет Васильевна, и давно у вас этот недуг?

— Около месяца. Раньше я была очень близорукой, потом, после смерти тёти, оступилась и упала, ударилась о камень, и на виске появился большой синяк. Потом из глаз текли кровавые слёзы. И зрение за несколько дней пропало совершенно.

— А голова болит? — доктор погладил мои волосы, помогая успокоиться и довериться.

— Иногда, но я думала, что будет хуже. Я просто дезориентирована, пока не привыкла к этому месту…

Чудесный доктор сам приподнял мои веки и, наверное, рассматривал зрачки, пытался заставить их реагировать на свет свечи, но бесполезно. Только по запаху и теплу у носа поняла, что рядом горит свеча, и ни единого проблеска.

— Закройте глаза, опуститесь ниже: подушку уберём, ложитесь ровно, вот так. И теперь попробуйте расслабиться, представьте, что вы находитесь в безопасности, в том месте, где вы хотите оказаться, или там, где вам всё знакомо.

Конечно, я сразу оказалась в своей спальне, и опять показалось, что я слышу голос барона со второго этажа и Фрося где-то рядом. Картинка получилась такая яркая и живая, что я тяжело вздохнула.

Доктор снова поднёс свечу к моим глазам. И чудо случилось: я заметила светлое пятнышко, как свет в конце тоннеля, из которого не могу выбраться сама.

— Слепота имеет весьма странный характер: сейчас зрачки отреагировали на свет, но вы, как я понимаю, ничего не увидели. Если вы перестанете волноваться и какое-то время останетесь под моим наблюдением, то некоторый процент зрения вернётся: нечётко, читать не сможете, но, по крайней мере, предметы увидите. А сейчас нужен покой, постепенно привыкнете к новой обстановке. Если вы недавно потеряли тётю и с вами произошли неприятные события, то смею предположить, ваш разум пока отказывается воспринимать зрительную информацию, это не только следствие удара, а нечто более серьёзное. Сложно выражаюсь, но не знаю, как вам пояснить доступнее.

— Я прекрасно вас понимаю. Сейчас увидела бледное светлое пятно от свечи. Если вы сможете помочь, то я буду вам бесконечно признательна.

Доктор взял мою руку, чтобы удержать контакт, и я ощутила, что он улыбается.

— Если я смогу вам помочь, прекрасная барышня, то напишу ещё одну монографию и прославлю своё имя. Ваш случай очень интересный, пока решения подобной задачи нет, так что вы меня заинтриговали.

— Помогите мне вернуть хоть небольшую способность видеть, пожалуйста…

— Так, собственно, этим я и планирую заняться: подберём курс лечения, поработаем над вашей гематомой, а потом посмотрим. Надо верить!

— Я верю, — шепчу и чувствую, как спокойствие снисходит на меня. Воображение не смогло нарисовать окружение, но и страх неизвестности тоже пропал. Мне было бы в сто раз проще, если бы Макаровы приняли на работу Ефросинью, но, увы, я не смею разрушить её счастье с Елисеем Фадеевичем. Потому собрала волю в кулак и решила бороться, иначе первая же неурядица меня размажет, как масло по хлебу, а я хочу ещё пожить и вольно, без всяких Троекуровых и Антонин с их грандиозными планами на мой «счёт» почти в миллион рублей.

Каламбур о моём счёте заставил улыбнуться, и я ощутила приятное касание: Шурочка присела рядом и прошептала:

— Не бойся, ты сейчас как побег груши, привитый на яблоне. Я тоже через многие страсти прошла и уже привыкла. И ты привыкнешь. Нужно концентрироваться на настоящем, о прошлом не думай, о других пока тоже думать опасно: тебе нужно поправляться, и наш чудесный доктор тебе поможет, веришь?

— Верю, — а сама думаю, какое счастье, что Кретов «арестант», пока я в санатории прохлаждаюсь: он никуда от меня не денется.

Почему я не могу перестать его вспоминать?

Потому что он постоянно думает обо мне.

Глава 2

Несколько бесконечно долгих дней мне пришлось «прирастать» к новому месту в буквальном смысле, точно как груша на яблоне. Из-за стресса организм сдал и скатился в непонятную болезнь, какую Сергей Семёнович назвал нервным истощением. А я, грешным делом, посчитала любовной горячкой. Очень тяжело осознать, что мы с Дмитрием расстались навсегда. Мог бы записку прислать с посыльным, но он оскорбился и посчитал мой побег предательством. А учитывая его непомерную гордыню, шансов на примирение, наверное, и нет…

Да и ни к чему всё это, я не хочу быть для него обузой и чувствовать себя таковой.

Пролежала в постели, и меня никто не тревожил. Чувствовала, как Шурочке хотелось расспросить обо всём, но она держалась до того момента, как я сама набралась сил и смелости. Достала все свои документы и вечером третьего дня поведала детали своей жизни в этом мире.

Но! Я не стала говорить про виновницу моей слепоты — Павлину, потому что её подлость очевидна, а вина не доказана. Я не уверена на сто процентов, что это именно её тычок в спину опрокинул настоящую Лизу на каменную кладку у просторного крыльца.

И про некрасивое отношение ко мне Антонины Антоновны тоже решила не упоминать, только намекнула, что матушка Кретова находится в очень стеснённых финансовых обстоятельствах, из которых вырваться очень непросто, и она уповает только на выгодную женитьбу сына.

Потом мне пришлось отдать Александре мой ридикюль и попросить перечитать все письма, какие остались. В этот момент я вдруг пожалела, что сожгла письма Юрия и его матушки. Но это всё дело прошлое. Читали деловую переписку и обсуждали коллективно. Демид Ефимович спросил дозволения взять свежие послания с собой в столицу:

— Я завтра уеду по делам санатория и пробуду в столице дней десять, этого достаточно, чтобы успеть выяснить всё и про счёт, и про пенсию, и про господина Троекурова. Но для этого мне нужна твоя доверенность.

— Это к нотариусу съездить нужно?

Мне показалось, что сейчас я пока не готова к долгим прогулкам.

— Нет, заверить может и наш новый глава города. Завтра заеду к нему. Тебе нужно своей рукой написать бумагу, вот с этим может быть заминка, ведь ты слепая. Прости…

Я вдруг ощутила, как Демид виновато взглянул на меня, потом на жену. Но у предприимчивой Шурочки возник план, не слишком законный, однако вполне разумный.

— Слушай, а что, если мы напишем два документа: один — я, второй — Лиза, оба подпишет наш глава, а ты в столице уж по факту пояснишь, что к чему про слепоту. Доверенность можем подтвердить я, наш доктор и, скажем, Лев Петрович, он человек состоятельный и очень уважаемый, думаю, что его подпись будет решающей. А пока Лиза попробует сама написать под диктовку и с моей помощью.

Шурочка встала надо мной и, едва касаясь моей руки, подсказывала направление, чтобы я не задирала строки вверх и оставляла ровные поля с двух сторон листа. Демид Ефимович очень медленно продиктовал содержание документа, и у нас получилось. Шурочке не пришлось писать свой вариант доверенности.

— Строки ровные, погрешности есть, но так даже лучше, в доверенности указан недуг, так что вопросов не возникнет. С этого дня ты, дорогая Елизавета Васильевна, поручаешь мне, Макарову Демиду Ефимовичу, вести свои дела и представлять законные интересы. Думаю, что адвокаты господина Кретова могут лишь задать вопросы и не на все из них получить ответы. А со мной у нотариуса и брокеров твоего отца разговор выстроится иначе. Мне они будут обязаны предоставить все отчёты. Счёт слишком большой, судя по всем бумагам, его уже должны открыть, ведь ты совершеннолетняя. Видимо, заминка с условием выйти замуж за господина

Троекурова. Тут уже потребуется помощь адвокатов, ибо у нас нет законов, принуждающих к браку. Главное, чтобы в завещании не упоминался пункт «ИЛИ».

— Что значит «или»? — Я вздрогнула, потому что уже чувствую подвох.

После продолжительной паузы Демид пояснил:

— Здесь ничего такого не упоминается, но такой пункт в завещании может стать условием: или ты выходишь замуж за Троекурова и получаешь всё, или все средства переходят в какой-то фонд. И тогда ты лишаешься даже минимального содержания. Это жестоко, так поступают с самыми неблагонадёжными наследниками самые жестокие родители.

Пожимаю плечами, потому что ничего не знаю об отце настоящей Лизы и о степени его самодурства тоже не знаю, но у меня перед глазами есть очень яркий пример — матушка Дмитрия. Ничему не удивлюсь, но сейчас продолжу уповать на добросердечность Василия Ложкина и заботу о благосостоянии единственной дочери.

— В таком случае мы всё проверим, а сейчас приглашу свидетелей…

Вот так я отдала всё управление своим имуществом в руки малознакомых людей, и тревожность меня не накрыла, и волнение за свою судьбу вдруг отступило куда-то далеко, откуда его отголоски даже не доносятся. Показалось, что довериться Кретову было бы куда волнительнее, и ещё более волнительно дождаться Викентия Троекурова.

Напряжение в теле, что струной натягивало нервы, тоже отпустило. Я, кажется, удачно переложила свои нерешаемые проблемы на более крепкие плечи. Я в этом мире буквально слепой котёнок, а Демид разбирается во всём, и чувствую, что честнее человека не найду.

Доктор охотно подписал мою доверенность с пояснением о диагнозе, прекрасно понимая, что я вряд ли когда-нибудь буду в состоянии следить за своими делами. А вот второй «понятой», очень солидный господин из столицы Лев Петрович, задал множество вопросов, но осторожные ответы оставили в тени и сумму счёта, и моё «обязательство» выйти замуж за определённого жениха. Дело ограничилось темой ежемесячного пособия. К женщинам в этом мире относятся снисходительно, а к слепым, если говорить честно, — как к пустому месту, требующему к себе слишком много обременительного внимания, заботы. Именно этот намёк прозвучал красной линией в короткой речи Льва Петровича.

Зачем вообще связываться со слепой приживалкой…

Шурочка сама не заметила, как сильно под столом сжала мою руку, это чтобы самой не нагрубить и мне не позволить сказать в ответ грубость. Но после общения с Антониной и Марианной я уже ни на что не обижаюсь. Лев Петрович вправе думать обо мне что угодно, только бы поставил свой вензель на моих бумагах как очень влиятельное лицо в каком-то департаменте. И он поставил.

С этого момента у меня появились официальные, очень уважаемые и довольно состоятельные покровители и тревога в довесок. Не дай бог, в завещании отца есть это проклятое «или», и тогда я останусь нищей приживалкой до конца дней своих.

Глава 3

Демид Матвеевич уехал в столицу, а мы с Шурочкой занялись своими важными делами. Прежде всего, ко мне «прикрепили» очень толковую девушку — Серафиму, Фиму, и я её иногда по старой привычке называю Фросей. Первое время Фима пыталась меня поправлять, деликатно напоминая своё настоящее имя, но потом я сама взяла себя в руки и стала более осознанной в общении с людьми. Всё-таки нехорошо путать имена, особенно когда человек искренне старается тебе помочь.

Бытовые вопросы наладились очень быстро. Санаторий, в принципе, подготовлен под запросы любых постояльцев. Говорят, даже малоподвижные приезжают и остаются довольными, потому что Шурочка продумала всё с учётом знаний из нашего мира. Удобные поручни, невысокие пороги, широкие проходы, скамейки для отдыха и множество других мелочей, на которые здоровый человек даже внимания не обратит.

Эти приятные, удобные мелочи и мою жизнь облегчили настолько, что я смогла сама передвигаться по дому и выходить в беседку, где-то держась за перила, где-то ориентируясь на шуршание мелкого гравия под ногами и небольшую помощь Серафимы. Постепенно научилась различать дорожки по звуку шагов, запоминать повороты, считать ступени и даже определять, где заканчивается открытая аллея и начинается крытая веранда. Но от меня всё равно требуется очень много усилий, чтобы не забываться и чувствовать себя в моменте. Не уйти куда-то и не потеряться…

Санаторий постепенно перестаёт быть для меня сплошной темнотой и пугающей неизвестностью. Постепенно изучаю новое пространство, мысленно составляю собственную карту помещений, комнат и переходов. И мне здесь всё больше нравится, особенно сад. Даже не видя его красоты, я чувствую, сколько здесь зелени, цветов и свежего воздуха. Иногда кажется, что за несколько дней я узнала об этом месте больше, чем могла бы узнать глазами.

На территории, чуть поодаль от корпусов для гостей, есть ещё небольшой особняк, где обитает семейство Макаровых, и для меня там уже подготовили отдельную комнату со всеми удобствами. Но на время лечения, следуя настоятельной рекомендации доктора, мне предстоит жить не здесь, а в первом корпусе санатория — среди других гостей, занятых неспешными прогулками по аллеям обширного сада и размеренными лечебными ритуалами. Доктор уверяет, что мне необходимы не только покой и лечение, но и привычный распорядок дня, общение и посильная самостоятельность.

Ещё одно наиважнейшее дело, какое не даёт гостеприимной хозяйке покоя, — сделать из меня первую красавицу уезда, придать шика и лоска. Подозреваю, что моё простенькое чайное платье пугает других обывателей, настроенных на красоту и богатство, а тут я в тряпье. Конечно, Шурочка так не говорит, но я же не глупая, понимаю, что в приличном обществе встречают по одёжке. А уж в дорогом санатории, где отдыхают состоятельные господа, и подавно.

Утром пятого дня, когда доктор позволил заниматься неутомительными делами, мы с Шурочкой отправились к ним в особняк, поднялись в гардеробную и раскрыли богатые «закрома». Ох, как жаль, что я не вижу этого многообразия! Наверное, красота сказочная. Судя по восторженным вздохам Шурочки, шелесту тканей и характерному звону вешалок, там целое царство женских соблазнов.

— Здесь одежды очень красивые, хотелось бы рассматривать и примерять, но я ничего не вижу. Лучшее для меня — то, что практично: чтобы не запинаться, чтобы не нужно было ничего постоянно поправлять, — пытаюсь чуть унять экспансию Шурочки, чтобы она не выдала мне платье, в котором ни вдохнуть, ни прилечь невозможно. — И желательно без трёх десятков пуговиц на спине. Я же потом сама с ними не справлюсь.

— Брось, понимаю твою тягу к скромности. Конечно, мы пока не берём платья с кринолином и слишком нарядные, для торжеств, но и простой одежде никто не запрещает быть дорогой и красивой. Ты стройная, на такую шикарную фигуру все платья и костюмы подойдут. Ох, я и забыла, что у меня когда-то был синдром шопоголика! Сколько здесь всего! На троих таких, как мы с тобой, хватит!

Она осматривает свои сокровища, перебирает платья, а в голосе появились печальные нотки. Ей так же, как и мне, неприятно вспоминать нищенское прошлое.

— Знаешь, я попала в тело нищенки при муже-скупердяе. Уж такой жмот был, что каждую крошку хлеба считал. Как деньги появились, первое время не могла себя сдержать, покупала всё, что нравилось, а потом отпустило. В этом мире наряды можно долго носить, мода меняется медленно, главное, чтобы моль не поела. Вот тут всё есть, аккурат под твои потребности: и бельё, и верхняя одежда. Сейчас начнём примерять и подгонять. Серафима, будь добра, вот эти наряды и вот это бельё сразу забирай в комнату госпожи. А эти мы сейчас примерим. И вот эту шляпку…

В комнате послышался приятный шелест тканей, началась небольшая суета, зазвучали торопливые шаги. Кто-то распахнул дверцы шкафа, заскрипели выдвигаемые ящики, а рядом со мной одна за другой начали появляться вещи. Шурочка вкладывает мне в руки то мягкую, почти невесомую ткань, то плотный шёлк, то тончайшее кружево, объясняя, какого они цвета и как смотрятся.

А потом началась самая приятная кутерьма для женщины — примерки, «живульки», как назвала незнакомая горничная процесс подгонки платьев. Меня крутили перед зеркалом, прикладывали к талии ленты, закалывали булавками лишнюю ткань, спорили о длине рукавов и расположении застёжек. Я чуть выше Александры, но это не критично, наоборот, подолы будут целее и чище. Хотя кое-где всё же придётся немного отпустить длину.

Под деловые комментарии меня полностью переодели, причесали, уложили волосы в красивую причёску и дружно охнули, осознав, что я, к сожалению, не увижу той красоты, что видят они.

Зато я чувствую, насколько приятна к телу новая одежда, как мягко ложится ткань на плечи, как удобно сидит платье в талии. И главное, ничего не тянет, не колется и не мешает двигаться. Даже странно, как быстро простые удобства способны поднять настроение.

— Лиза, ты потрясающая! Знаешь, если этот твой барон в тебя влюбился в старом платье и с простыми косами, то сейчас увидит и вообще голову потеряет.

— Пожалуйста, не надо о нём. Я что-то волнуюсь. У него такая маман деятельная! Она ему и мне мозг чайной ложечкой и без соли выела за эти недели. Он так хотел, чтобы я осталась, но я сбежала, обманула его, а ведь поклялась…

Я невольно опустила голову и разгладила ладонью несуществующую складку на юбке. Даже упоминание Дмитрия заставляет сердце тревожно сжиматься. Слишком многое осталось недосказанным, слишком поспешно я уехала, а теперь мучаюсь сомнениями.

— А что же не сделал предложение? Мужчины умеют быть настойчивыми, если любят по-настоящему. Он мог плюнуть на все условности общества. Если его твоя слепота не испугала, то он бы тебя не отпустил. Может быть, он нерешительный? Или хитрый? Почему не приехал или не прислал записку?

Тело отреагировало быстрее, чем разум. Кажется, меня парализовало: пошевелиться не могу, стою истуканом и перевариваю «взгляд со стороны».

Шурочка права на тысячу процентов. Он же предлагал мне всё что угодно, кроме руки и сердца. Заботу, защиту, помощь, крышу над головой, готов был решать мои проблемы, но замуж-то не звал. Или я сама настолько упорно отказывалась принимать его помощь, что он даже не решился заговорить о браке?

Но есть одно оправдание:

— Я сама не давала ему шанса, не хотела стать обузой. Уже пережила предательство: бывший жених Юрий меня бросил на станции, без денег, слепую. Это было подло и жестоко. А Дмитрий сердцем почувствовал, что я в беде, и приехал. Если бы я хоть немного видела, если бы знать, что происходит с моими делами, я бы не раздумываясь сказала ему «да»! Но есть одно непреодолимое препятствие — Викентий Троекуров, жених, навязанный завещанием.

Призналась — и сразу отпустило. Сказать по совести, я просто нашла удобные оправдания и Дмитрию, и себе. Потому что признать собственный страх гораздо труднее, чем сослаться на обстоятельства. А ещё страшнее поверить, что кто-то действительно готов любить меня такой, какая я есть, и не потребует взамен ничего, кроме моего согласия.

— Если так, то, как только Демид вернётся из столицы, мы съездим к твоему барону с хорошими новостями. Тебе нужно лечение, если есть шанс прозреть, то его нужно использовать. А раз Дмитрий ссыльный, то никуда не денется. Пусть пострадает немного. Мужчинам порой соскучиться гораздо полезнее, чем постоянно держать любимую за руку. И с Троекуровым разберёмся.

Шурочка говорит так уверенно, словно уже составила подробный план действий, осталось только дождаться подходящего момента. Вот уж кому не занимать решительности!

— Да, только бы не потерять денежный счёт или хотя бы пенсию. Я боюсь остаться без содержания.

— Не останешься, у тебя есть семья. И зрение вернётся, не переживай. А сейчас, если ты не слишком сильно утомилась от примерки нарядов, пойдём в главный корпус, произведём фурор среди гостей. А кстати, ты кем была в нашем мире? Учительницей музыки?

Шурочка взяла меня под руку и повела вниз, осторожно помогая спуститься по узкой лестнице. Ступени здесь высокие, а поворот неожиданно крутой, приходится внимательно слушать каждую подсказку и осторожно нащупывать ногой край следующей ступеньки. В корпусах санатория действительно всё удобнее, чем в частном строении.

— Нет, я музыкальную школу окончила, а в последние годы с внучкой много занималась, потому и навык вернулся. Но в старости пальцы не такие подвижные. Сейчас я даже слепая играю в несколько раз лучше, у Лизы идеальный слух. Да и руки молодые, послушные, словно всю жизнь только и делали, что по клавишам бегали.

— А работала кем? Осторожнее, теперь широкая ступень…

— Логистом в транспортной компании. Точнее, мы как филиал при большой конторе, что торгует строительными материалами. Я была менеджером: дают сделку, точки назначения, а я выбираю оптимальные варианты доставки, страховку, погрузку, хранение. С новым миром мои навыки совершенно не сочетаются, без интернета моя работа невозможна, здесь даже телефона нет.

— Телеграф есть, но потребность в логистике большая. Были у меня мысли торговлю развивать, но времени нет на это дело. Санаторий занимает всё внимание. Но подумать нужно, твой опыт в любом случае пригодится. Здесь ведь тоже товары возят, склады содержат, с поставщиками договариваются. Только вместо автомобилей — лошади да железная дорога, и всё приходится рассчитывать заранее. А толковый человек, который умеет организовать доставку и не потерять половину прибыли по дороге, всегда нужен.

Я невольно задумалась. А ведь Шурочка права. Пусть здесь нет привычных программ, электронных таблиц и телефонов, но сами принципы работы никуда не исчезли. Грузы всё так же нужно перевозить, маршруты рассчитывать, расходы учитывать. Может быть, мои знания не настолько бесполезны, как я решила?

Неспешно, шаг за шагом мы спустились со второго этажа, вышли на веранду, где уже накрыт стол для чая. Я, вдруг, уловила незнакомый аромат парфюма — терпкий, дорогой, с древесными нотками. Кто-то посторонний находился совсем рядом. Судя по едва слышному шороху одежды и уверенным шагам, мужчина.

А потом удостоилась чести услышать сильный, хорошо поставленный мужской голос.

— Сударыни, прошу прощения за вторжение. Мне управляющий рекомендовал прогуляться и уточнить насчёт размещения. Видите ли, мне нужен номер с двумя спальнями, хочу всё подготовить перед тем, как привезу к вам свою невесту…

— Добрый день. Невесту? — как-то мимоходом переспросила Шурочка.

Вторжение незнакомца слегка спутало её планы. Такого порядка нет, чтобы гости вот так запросто заходили в хозяйский дом. Даже если человек располагает деньгами и привык, что перед ним открываются любые двери, приличия никто не отменял.

Но гостя эти мелочи не волнуют:

— Да, она живёт неподалёку, в поместье! Ох, прошу меня простить, не представился. Викентий Ерофеевич Троекуров, к вашим услугам. Так что насчёт комнат? В городской гостинице не так шикарно, как у вас. Мы бы несколько дней погостили в романтической обстановке…

Стоило прозвучать фамилии «Троекуров», как меня чуть было не выключило.

Вот так встреча! Вот так сюрприз! Не успела я толком освоиться на новом месте, как жених, которого навязало мне проклятое завещание, собственной персоной явился на порог. И главное, как вовремя, только что обсуждали, как бы от него избавиться, а он уже здесь, да ещё с намерением устроить романтический отдых с невестой.

Чувствую, как градус паники поднимается. Если бы не слепота, то сорвалась бы и помчалась прятаться куда-нибудь подальше. Однако Шурочка вцепилась в мою руку и тоже застыла в молчании, не понимая, каким образом спасти ситуацию.

Её пальцы стиснули моё запястье так крепко, что я едва не охнула. Вот уж не ожидала от нашей деятельной хозяйки такой растерянности! Впрочем, сама ничуть не лучше. Стою, дышать боюсь и отчаянно надеюсь, что незнакомец сейчас развернётся и уйдёт.

Наверное, стою как-то боком к нему, да шляпка скрывает лицо, вот и не признал долгожданный жених в этой нарядной красавице прежнюю, простоватую Елизавету Васильевну. Но разве ж это спасёт? Не сейчас, так позже, стоит только пошевелиться или открыть рот…

— Так что насчёт номера? — переспросил незваный гость, заставляя нас очнуться.

— Действительно, все номера с двумя спальнями заняты. Очень жаль. Мы с сестрой как раз шли проверить отчёты управляющего. Если кто-то съедет… разве что… — непривычно тихо проговорила хозяйка санатория.

Сестрой? Шурочка назвала меня сестрой! Вот ведь находчивая женщина, даже в такой ситуации умудрилась придумать объяснение моему присутствию. Только бы теперь не пришлось подтверждать наше родство подробностями, которых я и сама не знаю.

А я молюсь, чтобы Троекуров не потащился с нами, идти-то довольно далеко. Уже придумала план: сказаться больной и вернуться в дом. Можно даже изобразить головокружение, благо оно сейчас вполне настоящее. Главное, поскорее скрыться с глаз этого настырного жениха.

Но мой план, как утку на взлёте, сбила Серафима, буквально взлетевшая по ступеням с криком:

— Госпожа! Госпожа! Там барона Кретова раненого привезли! Он ночью с коня свалился, говорит, к нам ехал, совсем плох! В Кулебякине сейчас доктора-то нет, так к нам привезли. Вас зовут срочно, куда его разместить?

Вскрикиваю от неожиданной новости, прижимаю руку к сердцу, чтобы поймать его и не позволить вырваться из груди.

Дмитрий! Ранен! С коня упал! Ночью!

Почему он ехал ночью? Куда торопился? Неужели ко мне? А если всё серьёзнее, чем говорит Серафима? Если он без сознания, если ему нужна помощь, которую здесь не смогут оказать?

Мир вокруг будто провалился в глухую тишину. Слышу только собственное дыхание, частое, прерывистое, да отчаянный стук сердца. Хочется немедленно броситься к нему, узнать, что случилось, убедиться, что жив, что всё ещё можно исправить.

И в этот момент Троекуров выдал такое, что к моей слепоте прибавилась немота:

— Лизавета Васильевна, голубушка

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.